БРИТАНСКИЙ ФРЕНЧ КАК ЗЕРКАЛО РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, ИЛИ ЯЗЫК ОДЕЖДЫ СОВЕТСКИХ ЛИДЕРОВ ОТ ЛЕНИНА ДО ГОРБАЧЕВА

Е. Г. Маргарян

Российско-Армянский университет, Ереван, Армения
ervand.margaryan@rau.am

Исследование выполнено в РАУ в рамках проекта
программы развития МОН РФ

В статье прослеживается эволюция костюма лидеров России и Советского государства начиная с Февральской революции до Перестройки, показана связь между образом руководителя государства и эпохой, которую он воплощает. Главным и основным образом вождя, лидера государства победившей революции стал образ «силовика», одетого в стиле милитари и ведущего аскетичный образ жизни. Характерными объектами образа силового лидера стали френч, высокие сапоги (краги), фуражка военного образца, защитного или серого цвета плащ реглан, кожаная куртка, курительная трубка и усы шеврон. После победы в Великой Отечественной войне власть отказалась от упрощенческого образа в пользу патетичного, церимониального. Была реставрирована дореволюционная символическая атрибутика власти. В армии были восстановлены офицерские звания, погоны, лампасы, вновь появились генералы, маршалы, и даже генералиссимус. Для строительства важных госучреждений был разработан специальный архитектурный стиль, неформально называемый советский (сталинский) ампи́р. Имперская помпезность и тяжеловесность вплоть до XX съезда КПСС стала характерной чертой послевоенной эпохи.

В эпоху оттепели началась десакрализация власти. Лидер страны Н. С. Хрущев отказался от стиля милитари, стал одеваться исключительно в гражданскую одежду, напоминающую повседневную домашнюю одежду или одежду сельскую, выдержанную в славянском этностиле. Характерной частью его наряда стала душевная украинская вышиванка, имплицитно указывающая на его славянскую ориентацию и приверженность к демократичному стилю правления. Десакрализация власти, демократизация общества, ослабление цензуры, расширенная возможность самовыражения подрывали основы могущества чиновничье-бюрократического аппарата. Это неизбежно должно было привести к противостоянию чиновников и Хрущева, которое закончилось свержением Первого Секретаря ЦК КПСС.

Последующая эпоха застоя характеризуется внутренней стабильностью, небывалой коррупцией, низкой производительностью труда, всеобщим дефицитом и зависимостью от экспорта ресурсов. Застойные явления по-

разили экономику, науку, культуру и общественно-политическую жизнь страны. Характерной чертой этой эпохи стали введенные еще при Сталине, но достигшие небывалого размаха при Брежневе привилегии для партийной номенклатуры и госчиновников, выделявшие их из общей массы населения. В это время окончательно восторжествовал чиновничье-бюрократический дресс-код, с преобладанием черных и темных цветов. Этот стиль остается неизменным и в наши дни.

Ключевые слова: образ лидера страны, power dressing, френч и сапоги, вышиванка, этностиль народного правителя, черно-белый дресс-код бюрократа.

THE BRITISH FRENCH AS A MIRROR OF THE RUSSIAN REVOLUTION, OR HOW SOVIET LEADERS FROM LENIN TO GORBACHEV DRESSED

Yervand G. Margaryan

Russian-Armenian University, Yerevan, Armenia

ervand.margaryan@rau.am

The article shows the evolution of the costume of the leaders of Russia and the Soviet state, from the February Revolution to Perestroika, and the connection between the image of the head of state and the era that it embodies. The image of the leader of the state of the victorious revolution was the image of the “silovik” (power man), dressed in the military style and leading an ascetic lifestyle. Typical objects of the image of a power leader are a french, high boots (leggings), a military-style cap, a khaki or gray raglan cloak, a leather jacket, a smoking pipe, and a chevron mustache. After the victory in the Great Patriotic War, the government abandoned the ascetic image in favor of a pathetic, ceremonial one. In the army, officer ranks, shoulder straps, and stripes were restored, and generals, marshals, and even the Generalissimo reappeared. A special architectural style, informally called the Soviet (Stalinist) Empire, was developed for the construction of important state institutions. Imperial pomp and heaviness, until the Twentieth Congress of the CPSU, became a characteristic feature of the post-war era. In the era of the Thaw, the de-Stalinization and desacralization of power began. The leader of the country, Nikita Khrushchev, abandoned the military style and began to dress exclusively in civilian clothes, reminiscent of everyday home clothes or rural clothes in the Slavic ethnic style. A characteristic part of his outfit was the soulful Ukrainian embroidered shirt, implicitly indicating his Slavic orientation and adherence to a democratic style of government. The desacralization of power, the democratization of society, the weakening of censorship, the broader-than-ever possibility of self-expression undermined the foundations of the power

of the bureaucratic apparatus. This inevitably had to lead to a confrontation between officials and Khrushchev, which resulted in the overthrow of the latter. The subsequent era of stagnation is characterized by internal stability, unprecedented corruption, low productivity, general deficit, and dependence on resource exports. Stagnation affected the economy, science, culture, and sociopolitical life of the country. A characteristic feature of this era was the privileges for the party nomenclature and state officials, which distinguished them from the general population. At this time, the official-bureaucratic dress code, with a predominance of black and dark colors, finally prevailed. This style remains unchanged today.

Keywords: image of country's leader, power dressing, French jacket and high boots (leggings), embroidery, ethnic style of people's ruler, black and white dress code of bureaucrat.

DOI 10.23951/2312-7899-2020-4-112-136

Мы пальцами показывать не будем,
Но многие ли помнят в наши дни:
Кто проповедь прочесть желает людям,
Тот жрать не должен слаще, чем они.

Евгений Агранович

В массовом сознании Первая мировая ассоциируется, прежде всего, с окопным бытом и грязными траншеями. Эта «Великая война» потрясла человечество, разбудила в людях самые низкие инстинкты, унесла огромное количество жизней, виной чему стали неведанные дотоле летальные виды вооружения. Химоружье сорвало последние лоскуты романтики с войны, превратив ее в настоящую бойню, где нет места ни доблести, ни отваге. Символом отношения к войне, которая потеряла былой пафос и романтический ореол, стала новая униформа. Именно в это время в европейских армиях на смену украшенным галунами, шнурами, бахромой и тесьмой доломанам и ментикам пришла более практичная офицерская униформа защитного цвета, с кителями произвольных образцов, с большими накладными карманами на груди и полах с застёжкой на пуговицы. Для окопных офицеров, особенно для курильщиков, это была удобная во всех отношениях форма одежды. Кители и куртки английских и французских моделей получили общее наименование «френч» – по имени Главнокомандующего Британскими экспедиционными силами во Франции, фельдмаршала

Джона Дентона Френча¹, который своим примером, по сути, легитимировал ношение этой формы среди высшего офицерского состава. Однако на родине фельдмаршала эта форма одежды не прижилась, зато получила широкое признание в далекой России и странах, находящихся в орбите ее политического и культурного влияния. Френч – это весьма демократичный китель, отличающийся от прежней, по сути своей, дворянской униформы.

Россия более остальных европейских держав понесла потери в Первой мировой. После Октябрьской революции в одностороннем порядке она попыталась выйти из войны, но оказалась втянутой в братоубийственную Гражданскую войну. Восемь лет Россия непрерывно воевала как на своих, так и на чужих территориях. Это предопределило еще большее ужесточение нравов и усугубило милитаризацию российского общественного сознания.

Это, в свою очередь, не могло не отразиться на образе жизни и стиле одежды новой российской властной элиты. Как и в Европе, френч становится модным атрибутом среди представителей состава. Однако российской особенностью стала необычайная популярность френча среди представителей гражданских властей. По сути, френч перестал быть сугубо военной униформой и незаметно превратился в повседневную рабочую одежду российских госуправленцев.

Все это несомненно указывает на милитаризацию сознания российского общества в целом и его элиты в частности. В России издавна сложился архетип волевого сильного лидера, способного железной рукой навести в необъятной стране порядок, заткнуть горлопанов, приструнить чинуш и заставить работать нерадивый народ. Поэтому каждый новый российский лидер старался найти свой образ сурового силового вождя, опирающегося не только на авторитет власти, но и на силу. Именно этот тип вождя был востребован в разваливающейся Российской империи, уставшей от бесконечных поражений и смуты. Не случайно, что в послефевральской России на авансцену вышли такие «силовики», как Корнилов, Деникин, Алексеев и др. Предполагалось, что эти генералы остановят развал фронта, утихомирят радикалов, жесткими и непопулярными методами (вплоть до расстрелов) наведут внутри страны закон и порядок.

¹ Среди авиаторов ограниченное распространение получили френчи английского офицерского типа – с открытым воротом для ношения с рубашкой и галстуком.

Кумир молодежи и женщин

Если бы тогда [в 1917] было телевидение,
никто бы меня не смог победить!

Александр Керенский

Первым среди российских политиков, кто легализовал френч и превратил его в рабочую одежду гражданского управленца, был Александр Керенский – первый министр-социалист Временного правительства, позднее военный и морской министр, а затем и вообще глава правительства России. Керенский с первого дня своей работы в правительстве шокировал своим непривычным поведением и формой одежды. Он облачился в ставший его брендом френч защитного цвета, без знаков различия, а также в рабочую куртку и краги (ил. 1). По совету молодой жены Керенский постригся бобриком (сегодня такую стрижку назвали бы «в стиле милитари»), что имплицитно указывало на его приверженность к силовым методам управления и революционный аскетизм.

Ил. 1. Френч А. Ф. Керенского

Едва получив назначение на пост министра юстиции и впервые придя на службу, он в первую очередь поздоровался за руку с самыми младшими по рангу работниками министерства – швейцаром и курьером. Работник министерства С. Милицын записал тогда в дневнике: «Мне кажется, что Керенский сказался весь при первом посещении министерства. Он, говорят, вбежал, пожал руку швейцару... и пренебрежительно бросил: “Ну что, чинушки еще не пришли?” Наши сторожа сразу переменили свой тон... Кстати, самого старика-швейцара такое панибратское отношение только покорило: “Ну что это за министр, – недовольно ворчал он, – если он со мной здоровается за руку?..”» [Цит. по: Майсурян 2004, 73].

Неоднозначной была реакция общественности и на одежду Керенского. Журналист Исидор Гуревич в мае 1917 г. опубликовал заметку под заголовком «Удивление». «Одна бывшая “её высокопревосходительство”, жена видного сановника старого режима, сказала:

– Я могу всё понять, но не понимаю только, как это жена министра допускает, чтобы он появлялся всюду в простой рабочей куртке... Если у него нет камергерского мундира, то фрак же он может сшить!.. Если у него нет лент, звёзд и орденов, то он может же выхлопотать у французского или американского президента!» [Цит. по: Майсурян 2004, 73].

В июне 1917 года либеральный сатирик Аркадий Аверченко посвятил этому вопросу целый фельетон и, несмотря на саркастичный тон, сделал вполне философическое обобщение. «Вы помните, – спрашивал он, – что такое были министры старого, проклятого Богом и людьми режима? Помните, какими они Юпитерами, какими Зевсами громовержцами держались. Перед ними ходили на цыпочках, перед ними склонялись... В чем же дело?!!!! Я вам скажу, только вы на меня не обижайтесь: всё дело было в их мундирах, орденах, лентах и золотом шитье. И когда они в таком чудельном виде выходили перед толпой, все почтительно склоняли перед ними головы и по рядам нёсся благоговейный шепот: “Министр идёт, министр”... И важно проходил этакий позолоченный идол с каменным лицом, весь расцвеченный разноцветными балаболками, ленточками, крестиками, расшитый, расписанный, разрисованный – точь-в-точь та знаменитая писаная торба, которая, по свидетельству пословицы, так мила дурню» [Цит. по: Майсурян 2004, 71].

На самом деле Аверченко недооценил креативность Керенского в вопросах одежды, силу воздействия нового стиля вождя революции. Керенский оказался, как сейчас принято говорить, блестящим политическим имиджмейкером. Именно с него в России ведет

отсчет мода power dressing («силовая одежда», «одежда силовика»). Однако Керенский не оправдал ожиданий российского общества. Манера поведения нового вождя – адвокатская многословность, суетливость и, главное, неумение справиться со сложной ситуацией на фронтах и в тылу, ничем не подкрепленные угрозы расправы с врагами революции и криминальными элементами, паническое метание между различными политическими силами не соответствовали образу «сурового силовика». Закончилась блистательно начатая карьера Керенского постыдным бегством из революционного Петрограда на автомобиле американского посольства, а оппоненты из монархистов, дабы еще больше унижить его, придумали миф о том, что он бежал, переодевшись в платье то ли горничной, то ли сестры милосердия. Весьма обидная концовка для политика, первым использовавшего предметы и аксессуары гардероба «милитари» в гражданской повседневности.

Вождь мирового пролетариата

Надо уметь учитывать момент и быть смелым в решениях.

В. Ленин

Внешность Ленина была еще более прозаичной. Он довел до логического конца то, что начал Керенский – десакрализировал власть, окончательно изменив имидж главы Российского правительства. При нем власть стала обозреваема и доступна. Современники единогласно утверждали, что Ленин был подчеркнуто прост и демократичен в одежде. Генерал Михаил Бонч-Бруевич с удивлением вспоминал, как одевался Ленин в 1918 году: «Скромный, едва ли не перелицованный, пиджак, галстук в белый горошек» [Цит. по: Майсурян 2004, 72]. В мае 1918 года газета «Вечерняя жизнь» поместила очерк Д. Болховитинова «Ленин», где автор не без иронии описывал вождя революции следующим образом: «Одевается старомодно, не то из своеобразного щегольства, не то оттого, что, великий разрушитель и потрясатель в области социальной, он большой консерватор в повседневном быту» [Цит. по: Майсурян 2004, 72].

То же касалось повадок вождя мирового пролетариата. Он целенаправленно лишал власть сакральности, благоговейного трепета перед ней, всячески старался продемонстрировать, что высшие чины – это не олимпийские боги, а пролетарии, взвалившие на

свои плечи груз ответственности за страну. Крупская и вторящий ей М. С. Кедров не кривили душой, описывая Ленина как врага «...всякого лицемерия, всяких этикетов и показной чинности» [Кедров 1957, 28]. Комендант Кремля Павел Дмитриевич Мальков вспоминал: «Не то! – вздыхал порой тот или иной старик швейцар, глядя на быстро идущего по Кремлю Ильича в сдвинутой на затылок кепке или Якова Михайловича в неизменной кожаной куртке. – Не то! Благолепия не хватает. Ленин! Человек-то какой! Трепет вокруг должен быть, робость. А он со всеми как равный. Нет, не то» [Мальков 1967, 27].

Ленин вслед за Керенским был, пожалуй, первым пунктуальным главой правительства, который не опаздывал и не заставлял себя ждать. До Керенского и Ленина опаздывали практически все правители России, заставляя подолгу себя ждать, дабы тем самым подчеркнуть важность своей персоны и величие своей державы. Известно, как Александр I даже после понесенного под Аустерлицем поражения заставил себя ждать не только французских посланников, но и самого Наполеона Бонапарта (ситуацию приходилось сглаживать Сперанскому, единственному в России пунктуальному человеку, которого, кстати, Наполеон готов был обменять на всех своих сановников). Такая манера русских царей вызывала недоумение и раздражение у иностранцев и нередко становилась причиной того, что переговоры начинались на нервных нотах и почти сразу заходили в тупик. Квинтэссенцией этой барственной манеры русских царей стала сакраментальная фраза Александра III: «Пока русский царь удит рыбу, Европа может подождать»².

В 1924 г. Сталин рассказывал о своей первой встрече с Лениным на съезде социал-демократической партии: «Принято, что “великий человек” обычно должен запаздывать на собрания с тем, чтобы члены собрания с замиранием сердца ждали его появления, причем перед появлением “великого человека” члены собрания предупреждают: “Тсс... тише... он идет”. Эта обрядность казалась мне не лишней, ибо она импонирует, внушает уважение. Каково же было мое разочарование, когда я узнал, что Ленин явился на собрание раньше делегатов и, забившись где-то в углу, по-простецки ведет беседу, самую обыкновенную беседу с самыми обыкновенными делегатами...

² Позднее и Сталин будет заставлять ждать себя часами в приемной или в КПП. Известен полуанекдотический случай о том, что в Ялте Сталин лично не встретил в аэропорту Рузвельта и Черчилля и вдобавок опоздал на прием. В ответ на претензии обоих визави о том, что гостей так не встречают, Сталин якобы отпарировал, что СССР два года ждал открытия Второго фронта и его опоздание на час ничто по сравнению с тем, как долго ждал советский народ помощи от союзников.

Не скрою, что это показалось мне тогда некоторым нарушением некоторых необходимых правил» [Цит. по: Галковский, 349].

Единственное, что изменилось у Ленина, и то не сразу – его одежда, которая отныне должна была соответствовать новой эпохе, эпохе революционного порыва. После покушения на Ленина и развернувшейся в стране борьбы с контрреволюцией, спекулянтами и саботажниками, в разгар кровопролитных боев против Деникина и Врангеля и, наконец, в условиях Военного коммунизма, Ленин сшил себе пару френчей (ил. 2). Молодой советской власти приходилось вести борьбу с внутренними врагами, прибегая к политике красного террора и устрашения. Ломка старых порядков предполагает уверенность в собственных силах и твердость характера, целеустремленность, жесткость, и даже жестокость в достижении «великих» целей. В этом революционный политик схож с командиром воинской части. Отсюда стремление революционных деятелей походить внешне и в манерах поведения на военных командиров. На последних фотографиях мы видим Ленина не в традиционном английском костюме-тройке, с белой сорочкой и галстуком в горошек, а во френче и пролетарском картузе. В этом же слегка поношенном френче тело забальзамированного Ленина пролежало в Мавзолее до 40-х гг.

Ил. 2. Френч В. И. Ленина

Однако иконой стиля power dressing в Советской России стал Лев Давыдович Троцкий. Придуманый Троцким образ пламенного вождя революции в 1923 г. великолепно воссоздал художник Юрий Анненков в своей картине «Лев Троцкий» (ил. 3). Картина написана в кубистическом стиле; не только вещный мир, но и сам воздух, окружающий фигуру гиганта революции, соткан из местами ровных, местами рваных, но непременно острых углов. Тут и перекрещенные ремни амуниции, кобура маузера, планшет, и летные очки, и обшлаг перчатки, и шоферские краги... Вождю образ очень понравился [Хорошилова 2017]. Он даже подарил Анненкову в знак благодарности... валенки.

Ил. 3. Репродукция картины «Лев Троцкий», Ю. Анненков

Новацией Троцкого и Свердлова стало ношение кожаных летных курток поверх френчей. Существует легенда о том, что вооруженную охрану своего поезда, в котором ездил по фронтам, Лев Давыдович одел с ног до головы в красное кожаное обмундирование – «для тяжеловесной внушительности». Окруженный рослыми

молодцами, «вождь краснокожих» в куртке цвета кровавой революции выступал перед бойцами – и производил неизгладимое впечатление. Не случайно, вслед за охраной Троцкого в кожаные куртки облачились практически все служащие силовых структур, особенно сотрудники ВЧК³.

В Красной Армии френч оставался основной формой одежды командного и начальствующего состава в 1924–1943 гг. Вместе с тем френч стал основной спецодеждой и для совдеповских гражданских начальников. Он указывал на участие его хозяина в Первой мировой и гражданской войнах, на то, что его носитель – силовой политик и война для него вовсе не закончилась, а лишь перешла из военной плоскости в экономическую и политическую. Кроме того, френч должен был репрезентировать скромность и рачение его хозяина, продемонстрировать его малотребовательность и неприхотливость в повседневной жизни, подобно окопному офицеру, делящему с простыми солдатами скудный паек и другие невзгоды блиндажного быта. Пока страна находится в состоянии разрухи и упадка, революционному политику не до щегольства и расточительства!

В эпоху нэпа мода на френчи, казалось, пошла на убыль. Об этом в журнале «Крокодил» в 1922 г. писал некий В. О.:

Френчи всюду страшно надоели, –
Их носить становится неловко.
Нэпо-франты уж давно одели
Помесь из богемки и толстовки [Цит. по: Майсурян 2004, 72].

Действительно, цыганские блузы-богемки⁴ и толстовки на время стали излюбленной одеждой советской интеллигенции и либеральной партийной номенклатуры. Так, Бухарин – главный проponent нэпа – предпочитал богемки и фуражки.

Помимо толстовок и богемок, в эпоху нэпа утвердилась мода на не менее экзотические кавказские рубашки. Такие носили тифлиские кинто, сельский люд и кавказская этноинтеллигенция. Эти рубашки, по сути, представляли собой гибрид бешмета и гимнастерки,

³ На складах в Петрограде была обнаружена большая партия кожаных лётных курток и брюк галифе и краг, которые незадолго до октябрьских событий в виде помощи России послали ее союзники по Антанте. Именно эти, отлично скроенные, кожаные куртки и штаны были розданы чекистам и охранникам вождей революции.

⁴ Само слово богема образовалось от французского *bohème* – букв. цыганщина. Так французский писатель Мюрже назвал студентов Латинского квартала, и с тех пор богемой называют всякую интеллигентную бедноту, которая артистически весело и беззаботно переносит лишения и даже с некоторым презрением относится к благам земным.

из тонкого сукна или плотного ситца, с воротником-стойкой и застежками на петельках. В европейской России их, впрочем, предпочитали шить с обычными маленькими пуговицами и из яркого, нередко революционно-красного сатина. Носили их на манер косовороток, навывпуск. Мода на кавказские рубахи продержалась почти до начала войны, но окончательно их вытеснили лишь хрущевские вышиванки. Особенно полюбили кавказские рубашки советским бюрократам. Типичный портрет советского бюрократа в «Золотом теленке» рисуют Ильф и Петров, отмечая длинные кавказские рубашки с баллонными рукавами и пояски, напоминающие лошадиную сбрую [Ильф и Петров 1991].

Воин-монах

В трубку я набью табак отборный,
Закручу упругий черный ус.
Как черкес, отважный, непокорный,
За моей спиной встает Эльбрус...

«Три звезды» (офицерский романс)

Однако с отказом от новой экономической политики, политики либерализации экономики и, как следствие, политики либерализации общества возникла необходимость в управленце нового типа – авторитарном энергичном хозяйственнике. С появлением плановой экономики, направленной на наращивание промышленного выпуска, связанной в первую очередь с тяжелой индустрией и ВПК, формируется образ *командира экономики*, жестко и без колебаний проводящего линию партии в центре и на местах. Повсюду возвращались методы военного коммунизма, вернулась и мода на френчи. Не только верховный правитель государства, но и все подчинённые ему агенты власти, как носители частичек высшего властного начала, светящие отражённым светом вождя, одевались в стиле *power dressing*. Это относится практически ко всем командирам экономики эпохи индустриализации. Сами френчи не отличались покроем, но шились из сукна разного качества и разных цветов. Известно, что френч Ленина был темно-горчичного цвета (ил. 2), Сталин носил френчи серо-стального цвета (получившие название «сталинки»), Каганович – темно-синего цвета (цвета формы железнодорожников). По праздникам надевали белые френчи и белые фуражки, со знаками отличия руководимой тем или иным работником отрасли.

Френч Сталина имел мягкий отложной воротник такой высоты, чтобы из-под него была видна белая сорочка, два больших нагрудных кармана с клапанами. Брюки были в цвет «сталинки». Во время инспекционных поездок по стране и на даче Сталин чаще всего надевал сапоги. На большинстве довоенных фотографий он запечатлен в хромовых сапогах. В послевоенные годы его чаще можно было увидеть в брюках навыпуск и в черных полуботинках. Сталин отличался аккуратностью и чистоплотностью. Современники свидетельствуют, что он строго следил за своими сапогами и другой обувью и выглядывающий из-под френча воротник сорочки всегда был белоснежным и накрахмаленным.

Мужественности и «матерости» образу Сталина добавляли усы и курительная трубка. Трубка Сталина служила своего рода означающим того, что ее хозяин мудрый и бывалый вождь, облаченный высоким статусом (в отличие от курильщиков обычных недорогих папирос). Среди курильщиков есть мнение, что обкурить трубку (впрочем, как и сигары) могут лишь немногие. Для этого нужно обладать особым складом характера. Никакие трактаты и профессиональные наставления табачного торговца не заменят отсутствующих способностей. Если человек суетлив и импульсивен, беспричинно кричит, смеется или ругается, размахивает руками или бьет себя ладонями по коленям – словом, если он представляет собой клубок человеческих страстей, ему не суждено стать курильщиком трубки. Берущий в зубы трубку должен обладать особыми добродетелями: спокойствием полководца, молчаливостью дипломата и невозмутимостью шулера. Имплицитно трубка Сталина воспринималась его окружением именно в таком контексте.

Успехи электрификации, индустриализации и культурной революции, укрепление советской власти в центре и на местах, милитаризация общественного сознания породили культ вождя, причем эти тенденции наблюдались не только в СССР, но и во многих странах мира со схожим авторитарным режимом. Происходило забронзовение власти, против чего так последовательно и целенаправленно боролись Ленин, Бухарин, Зиновьев, Крупская и др. Ради укрепления своей власти советская пропагандистская машина стала педалировать наиболее примитивные архетипы массового сознания. Его структура заполнена устойчивыми образами, выполняющими регулятивные и идеологические функции. Особую роль в насаждении вождизма играет одушевление и сакрализация централизованного аппарата власти. Массовое сознание в авторитарных обществах, как правило, полностью и безоговорочно поддер-

живает вождизм. Пиетет перед властью, гражданский конформизм, политическая гиперлояльность, отсутствие осознанной дифференциации политических интересов и согласие с жесткой регламентированностью частной жизни, отсутствие гражданского сознания – вот те основные черты, на которых строится общественная жизнь при вождистских режимах.

Не случайно, что в середине 30-х гг. советская власть стала постепенно пересматривать свое отношения к революционным новшествам 1917–1918 гг., направленным на демократизацию российского общества и построение внутри него горизонтальных отношений. В стране произошла реставрация прежней символической атрибутики власти, подчеркивающей ее статус и дистанцию от остального мира. Как и следовало ожидать, началось все с армии, где были восстановлены погоны и военные чины. Было забыто еще недавно оскорбительное словечко «золотопогонник». Так, в Красной армии были восстановлены маршальские и другие пожизненные звания, тогда же появились генералы и адмиралы, а в 1943 году ожило и слово «офицеры», которое также утратило прежнюю негативную коннотацию. Военная форма украсилась золочеными погонами, золотыми и серебряными аксельбантами, расцветилась алыми лампасами. В официальном обиходе предлагалось отказаться от формы «товарищ», но возврат к форме обращения «господин» или «сударь» для старых большевиков оказался абсолютно неприемлемым.

Характерный анекдотический разговор случился в 1943 году между одной из «старорежимных» академических дам и старым коммунистом:

– Объясните, – удивленно вопрошала университетский профессор парторга одного из центральных вузов страны, – с какой целью правительство вводит погоны в Красной армии? Сначала офицерские звания, теперь погоны – что же получается, все как до революции?

– Это делается для укрепления авторитета руководства.

– Так. А не следует ли теперь, для укрепления авторитета руководства, ввести должность царя?

Коммунист расстроился и возмутился:

– Как вы можете так говорить!..

[Майсурян 2018, online]⁵.

⁵ О переменах в языке писал Корней Чуковский в 1962 году: «Появились много лет не употреблявшиеся слова: воин, рядовой, гвардии рядовой, гвардеец, воинство, кавалер ордена, ополченец и др. Вновь возродились такие слова, как полковник, подполковник, генерал. Комиссариаты заменились министерствами, комиссары – министрами. Полпредства переименованы в посольства, полпреды – в послов. Исправдомам и домзакам вновь было присвоено общее наименование – тюрьма. Последние пункты, впрочем, к армии не относились, но зато вполне укладывались во всё ту же логику преемственности...» [Чуковский 1990, 189].

Алилуева описывает в своих воспоминаниях образ жизни тогдашних вождей: «Ворошилов любил шик. Его дача под Москвой была едва ли не одной из самых роскошных и обширных... Дома и дачи Ворошилова, Микояна, Молотова были полны ковров, золотого и серебряного кавказского оружия, дорогого фарфора... Вазы из яшмы, резьба по слоновой кости, индийские шелка, персидские ковры, кустарные изделия из Югославии, Чехословакии, Болгарии – что только не украшало собой жилища “ветеранов Революции”... Ожил средневековый обычай вассальной дани сеньору. Ворошилову как старому кавалеристу дарили лошадей: он не прекращал верховых прогулок у себя на даче – как и Микоян. Их дачи превратились в богатые поместья с садом, теплицами, конюшнями; конечно, содержали и обрабатывали все это за государственный счет» [Восленский 1991, 306, 344–345]. Для советской и партийной элиты в Москве и других столицах СССР стали строиться помпезные дома в стиле советского (сталинского) ампира.

Даже аскетичный, безразличный к роскоши и не одобрявший всякого рода излишества Сталин отдал дань тенденциям своего времени. После победы в ВОВ он облачился в маршальскую униформу и даже на даче ходил в брюках с лампасами. Чтобы выделяться из окружения маршалов, обычно носивших защитные кители, Сталин любил являться на торжественные мероприятия в белом летнем кителе, отутюженном и сиявшем белизной. Он запрещал называть себя генералиссимусом⁶, но ему импонировало, когда подчиненные и даже прислуга за глаза его называли «верховным».

Любопытная деталь: даже тело Ленина в Мавзолее в 40-е годы переодели из революционного френча в английский покроя классический костюм. Решение принималось на самом высоком уровне. Очевидно предполагалась, что в скромном неопределенного цвета френче вождь мирового пролетариата смотрелся не очень презентабельно.

Широкая славянская душа: вышиванка и кукуруза

Однако после смерти Сталина тенденции резко изменились. Развернувший борьбу с культом личности «вождя народов» Хрущев старался во всем отличаться от своего предшественника. В манере

⁶ 26 июня 1945 года Указом Президиума Верховного Совета СССР учреждено звание Генералиссимус Советского Союза. На следующий день, 27 июня, оно было присвоено И. В. Сталину.

одеваться он также старался больше походить на Ленина и Бухарина, чем на сурового и хмурого кавказца. Поэтому образ brutального вождя, с густой, непокорной шевелюрой и усами шеврон (Сталин, Орджоникидзе, Микоян, Каганович), одевающегося в мирное время в стиле милитари, был отвергнут новым лидером советского государства.

В первые же годы своего правления Хрущев поставил задачу в короткие сроки накормить страну, вечно недоедавший русский народ, с этой целью он предпринял поднятие целины, с этой же целью он развернул свою знаменитую кукурузную кампанию. Чтобы обеспечить молодые семьи жильем, он предпринял массовое строительство дешевого жилья, одновременно власти стали предоставлять гражданам дачные участки, началось производство недорогих автомобилей для простых рабочих. Колхозникам были розданы паспорта, люди получили возможность жить там, где хотят, переезжать из одного конца страны в другой. Были осуществлены реформы в армии, Хрущев распустил ГУЛАГ, снес железный занавес между СССР и Западом, организовал первый Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Исчезла атмосфера страха и террора. В общественно-политической жизни страны началась «оттепель». Выросло благосостояние народа⁷.

Поворот к нуждам народа неизбежно должен был привести к отказу от образа милитариста на посту главы государства, поэтому Хрущев создал близкий и понятный простым советским гражданам образ руководителя, заботливого отца («бабки»), пекущегося о народе, как о членах семьи (ил. 4). Он отказался от «сталинки», которую носил, не снимая, до 50-х. Вместо френча, Хрущев облачился в гражданский, небюрократического покроя, светлый каламянковый костюм, скорее подходящий для руководителя дачного кооператива, чем для хозяина Кремля. Хрущев любил светлые тона. Характерной деталью одежды Хрущева стала его знаменитая украинская вышиванка, которая латентно указывала на его славянское происхождение и славянскую ориентацию во внутренней политике. Только на официальных мероприятиях и по особо торжественным случаям Хрущев носил белую сорочку с отложным воротничком и галстуком (причем галстуки он предпочитал белые, чтобы они не выделялись на белой сорочке). Вслед за Хрущевым в вышиванки облачились многие советские бюрократы славянских нацио-

⁷ Характерной особенностью эпохи стало изображение большого количества дородных людей зрелого возраста, что было большой редкостью в предыдущую сталинскую эпоху. Дородностью отличался и сам Никита Сергеевич.

нальностей. Мода на украинские вышиванки и русские косоворотки, традиционно носимые на выпуск⁸, стали своего рода знаком-индексом антикавказских тенденций среди высшего руководства страны этого времени, осознанный поворот к славянству, большей ментальной свободе, простоте и душевности. Хрущев имплицитно подражал шутнику и балагуру Тарасу Бульбе, стебом и тумаками встречающему любимых сыновей-бурсаков, чтобы показать, кто в хате главный и сразу настроить обурсачившихся сыновей на славянскую волну, а после преподнесенного урока за простым и обильным застольем расслабиться и от души повеселиться⁹.

Ил. 4. Фотографии Н. С. Хрущева в разные годы

Взявший курс на десталинизацию СССР и возврат к ленинизму Хрущев немало сделал для возрождения коллективного руководства в партии и стране. Подобно Ленину, он не любил пафосный

⁸ Правда, Хрущев заправлял свою вышиванку в брюки, сами брюки при этом задирали по самую грудь.

⁹ «Хрущёв отличался неиссякаемым оптимизмом. Ему было свойственно чувство юмора, он умел поднять настроение в самых критических обстоятельствах. Никита Сергеевич любил вкусно и обильно поесть, и в этом отношении они со своим порученцем Гапочкой были вне всякой конкуренции. При переговорах со Сталиным Хрущёв совершенно преображался. Исчезала его напускная простоватость, он не позволял себе ни одного лишнего слова. Говорил четко, лаконично, показывая свою осведомленность во всех фронтовых делах. Никита Сергеевич не боялся высказывать просьбы, которые, как правило, удовлетворялись» [Иванов 1990, 356].

официоз и царское благочиние. Из советских руководителей Хрущев был первым, кто регулярно стал летать в загранпоездки, причем со своей женой, Ниной Петровной Кухарчук, женщиной умной и довольно образованной¹⁰. Это была идея Анастаса Микояна, который считал, что таким образом удастся сломать укоренившийся на Западе стереотип о том, что советские лидеры – фанатики и обскуранты, а их жены – замшелые затворницы.

Среди руководителей СССР первым именно про Хрущева стали сочинять анекдоты. Он искренне и от души над ними смеялся, мог и сам что-нибудь смачное добавить по поводу своей персоны. В этих анекдотах Хрущев выступает с виду недалеким, а на самом деле хитрым и смекалистым русским мужиком, который обставляет иностранных лидеров, особенно американцев.

Ослабление и практическая ликвидация созданного при Сталине репрессивного аппарата были безусловно положительно восприняты советской и партийной номенклатурой, ведь после завершения коллективизации основными жертвами репрессий при Сталине стала именно советская партийная номенклатура и интеллигенция. Однако Хрущеву часто вменяли в вину его прямооту и прямолинейность, а главное то, что он слишком много свободы дал народам СССР. Даже на первый взгляд прогрессивные люди утверждали,

¹⁰ Когда в 1961 г. состоялась встреча Никиты Хрущёва с президентом США Дж. Кеннеди в Вене, Нина Петровна сопровождала мужа во время его поездки. Её появление на публике тогда вызвало большой резонанс. Рядом с красавицей-женой президента США Жаклин Кеннеди Нина Хрущёва выглядела довольно бледно и непрезентабельно. Западные СМИ колко отзывались о внешнем виде первой леди СССР, которая на фоне иконы стиля, красавицы Жаклин выглядела провинциальной тётушкой. Ее прозвали «бабушкой всея Руси». Очень проста была она в цветастом ситцевом платье. Слово только что сняла фартук и вышла с кухни, потирая руки чайным полотенцем. Впрочем, и внешность Хрущева, по сравнению с Кеннеди, также оставляла желать лучшего. Однако, когда во время встречи двух первых леди, жена советского лидера заговорила по-английски, а потом непринужденно перешла на французский, корреспонденты пришли в замешательство (Нина Петровна, помимо родного украинского, отлично знала русский и польский, английский и французский она выучила на Хомских курсах в Киеве, будучи матерью большой семьи). То, с какой непринужденностью она вела беседу на непростые темы, не вязалось с ее простоватой славянской внешностью. В беседе с Рокфеллером она продемонстрировала неплохое знание мировой экономики.

Скромный, незатейливый наряд Нины Петровны, зачесанные назад короткие волосы имплицитно должны были означать, что как сам глава страны советов, так и его жена – люди рачительные, живут скромно и не тратят государственные деньги на роскошные наряды и всякую чепуху. «Именно такой образ женщины, которая готова расшибить себя в лепёшку ради государства и впахивает за троих – и пропагандировался в СССР – чему Нина Хрущёва яркий и наглядный пример» [Максим Мирович. Одно фото, рассказывающее всё про СССР <https://maxim-nm.livejournal.com/493610.html>]. «В общем, по этой одной фотографии сразу ясно, – заключает Мирович, – в какой стране женщины могут оставаться женщинами, а в какой уже в 50 лет обязаны были превратиться в бабушку, забыть о сексе, надеть нафталиновое пальто и платок на голову и пахать на всю семью» [Там же].

что советский народ не был готов к свободе, которая может принести стране больше вреда, чем пользы. Поэтому современники призывали Хрущева остановить политику десталинизации и подрыва авторитета власти как таковой [Ромм 2003, 214]. Советский режиссер Михаил Ромм так охарактеризовал Никиту Сергеевича: «Что-то было в нём очень человеческое и даже приятное. Например, если бы он не был руководителем такой громадной страны и такой могущественной партии, то как собутыльник он был бы просто блестящий человек. Но вот в качестве хозяина страны он был, пожалуй, чересчур широк. Эдак, пожалуй, ведь и разорить целую Россию можно. В какой-то момент отказали у него все тормоза, все решительно. Такая у него свобода наступила, такое отсутствие каких бы то ни было стеснений, что, очевидно, это состояние стало опасным – опасным для всего человечества, вероятно, уж больно свободен был Хрущёв». Как это похоже на претензии Керенскому писателя-сатирика Аркадия Аверченко.

Застой. Королевство клерков

Дамы и господа, дорогие товарищи!

Леонид Брежнев

Смещение Хрущева сегодня видится вполне закономерным – это был своего рода бунт клерков. После прихода к власти Леонида Брежнева в стране восторжествовала бюрократия. Последний лидер СССР М. Горбачев охарактеризовал послехрущевский период как эпоху застоя, продолжавшуюся более двух десятков лет (1964–1987). Если в первое десятилетие правления Брежнева в стране наблюдалось инерционное поступательное движение (по некоторым формальным показателям страна оставалась на втором месте в мире), то второе десятилетие отмечено устойчивым снижением темпов экономического роста и ухудшением динамики производительности труда при отсутствии каких-либо серьезных потрясений в политической жизни страны. Вместе с тем в эти годы на фоне социальной стабильности в СССР наблюдается относительно высокий, по сравнению со всеми предыдущими эпохами, уровень жизни.

Однако именно в годы застоя страна стала отставать практически во всех высокотехнологических отраслях производства, впала в зависимость от экспорта полезных ископаемых, практически все уровни власти оказались поражены коррупцией. Большинство предме-

тов первой необходимости стали дефицитными. Все доставалось «по благу» – от консервов и колбасы до автомобилей и квартир¹¹. В стране возросла смертность, началась алкоголизация населения. И хотя появилось большое число инакомыслящих, в целом население оставалось инфантильным и инертным. Все это давало возможность партийной номенклатуре чувствовать себя вольготно и уверенно. Номенклатура превратилась в закрытую касту, которая могла более никого не бояться, особенно окриков грозного хозяина Кремля, который в старые времена периодически устраивал «чистки рядов», держа тем самым в постоянном страхе старую элиту, заставляя ее в рамках существующей системы работать на благо страны. С помощью «чисток» или, как ее называли современники, «прополки грядок» система разрезала ряды, освобождая место для молодой поросли. Старые кадры долго не засиживались на местах, эффективные и преданные работники либо двигались вверх по карьерной лестнице, либо освобождали место молодым. При Брежневеве социальные лифты застопорились, каждый номенклатурщик назначался на должность практически пожизненно.

Не боялась брежневская партократия народного недовольства. Население страны брало пример со своей элиты, и каждый на своем месте и в меру своих возможностей разрывовывал страну. Все это порождало круговую поруку, политический, правовой и идеологический нигилизм, расшатывало веру во власть и сами устои советского общества. Люди жили исключительно сегодняшним днем, без целеполагания и надежды на перспективы, в то время как пришедшая к власти новая партийная элита была уверена, что бюрократический стиль управления является единственно верным и возможным¹².

Бюрократический стиль руководства характеризуется аппаратной таинственностью, помпезностью, господством формы (т. е. самой бюрократической структуры) над содержанием (задачами управления страной или производством).

¹¹ Экономисты объясняли это возросшей покупательской способностью населения и неспособностью советской экономики обеспечить элементарные потребности населения страны.

¹² Русский эмигрантский публицист И. Л. Солоневич, идеолог «народной монархии», в 40-е годы прошлого века писал: «Гений в политике – хуже чумы» [Солоневич 1998, 91]. Едва ли можно с ним согласиться, но очевидно, что наступает момент, когда на очередном историческом повороте обывателя утомляет метание политиков от помещичьей монархии к либеральной демократии, затем к диктатуре пролетариата, потом к вождизму, после чего «развитому социализму», застою, затем к «социализму с человеческим лицом». И все это за неполное столетие. Поэтому народ охватывают абсентистские настроения, и нехаризматичный, но вполне предсказуемый политик вроде Брежневев может показаться людям меньшим из зол при условии, что он не будет совершать резких маневров вначале в одном, затем в противоположном направлении (ил. 5).

Так начался новый этап забронзовения власти. Любая авторитарная власть стремится отгородить себя от простых масс специальными символами, которые подчеркивали бы ее статус и дистанцию от остального мира¹³. Прежде всего, это отразилось на одежде номенклатуры той поры. Недалекие и малообразованные лидеры страны, в массе своей выходцы из рабоче-крестьянской среды, быстро усвоили аванажные манеры, важность властной атрибутики и необходимость соблюдать внешние проявления власти. Произошла перекодировка визуального кода советского руководителя. Окончательно утвердился бюрократический дресс-код, известный также как английский ретро стиль (ил. 5). Теперь лидер страны не мог и не должен был выглядеть как полевой командир или председатель колхоза Центрально-Черноземной полосы. Френч и хромовые сапоги, казакская рубаша а-ля бешмет, с затейливым пояском, или вышиванка под мешковатым каламянковым костюмом остались в прошлом, превратившись в символы ушедших эпох. Вместо них пришли новые формы и новые цвета: белая сорочка под черным или темно-серым костюмом строгого покроя, темный галстук, шляпа, плащ реглан или драповое пальто с каракулевым воротником и высокая меховая пилотка или ондатровая шапка-ушанка (ил. 6, 7).

Без преувеличения можно сказать, что в советский период нашей истории отличительным цветом власти являлся черный. Не случайно в брежневское время был в ходу циничный анекдот, согласно которому черные люди¹⁴ одевались в черные костюмы, ездили на черных автомобилях, ели черную икру. Из атрибутов власти особо популярными стали телефоны спецсвязи – так называемые вертушки, специальные радиотелефоны в правительственных автомобилях, позднее сотовая телефонная связь. Характерной чертой этой эпохи стали введенные еще при Сталине, но достигшие небывалого размаха при Брежневе привилегии для партийной номенклатуры и госчиновников, с четкой градацией по рангам. В стране всеобщего дефицита, некачественного здравоохранения и средневе-

¹³ Впору процитировать сатирика Аркадия Аверченко: «Граждане! Товарищи! Братья! Сделайте вывод: раз коллективному всероссийскому дурню нужна писаная торба... – так дайте ему эту “писаную торбу”. Министры! снимайте ваши скромные рабочие куртки, которые так умиляли первое время – снимайте свои затрапезные пиджаки!.. Свободные русские товарищи еще не доросли до того, чтобы уважать благородную бедность наряда. Они недостойны этого символа братского единения с ними... Дайте им убогую роскошь наряда, нацепите на себя фунтов десять золота, увешайтесь “Белыми Орлами”, “Красными Подвязками” и “Зелеными Крокодилами”, и, когда вы в таком попугающем виде придете на митинг, перед вами растянут красный ковер, возведут под руки на трибуну и скажут: “Говорите, ваше высококородие”. И никто не хлопнет вас по плечу, не попросит сигарку, и даже сам товарищ Троцкий уберет ноги со стола и встанет при вашем появлении...» [Цит. по: Майсурян 2004, 72].

¹⁴ Само собой, имелась в виду не расовая принадлежность, а любимый цвет одежды.

кового обслуживания продуктовые спецмагазины, «Березки», спец-санатории и «лечкомиссии», копеечные путевки в капстраны и пр. воспринимались как высшая форма социальной несправедливости и вызывали раздражение у большинства населения, ведь именно чиновничий аппарат и высшее руководство несли ответственность за плохой менеджмент и провалы в экономике страны и других сферах жизни. Но страдали от этого прежде всего простые люди, на самих же чиновниках это никак не отражалось.

Ил. 5. Пример бюрократического дресс-кода (английский ретро стиль)

Ил. 6. Пример бюрократического дресс-кода эпохи застоя

Ил. 7. Пример бюрократического дресс-кода начала перестройки

Вдобавок вернулась мода на ордена и медали, которыми лидеры государства обвешивали себя с головы до пят. «Иконостас» Брежнев стал притчей во языцех и главной темой для упражнения в остроумии даже среди власть имущих. В то же время любое отклонение или нарушение номенклатурного дресс-кода могло иметь негативные последствия для карьерного роста чиновника или партократа. Для бюрократа главное – сохранение правил «системы» и следование установленным процедурам. Любое проявление инициативы и отклонение от спущенных сверху директив воспринимается как раскачивание лодки, расшатывание священной иерархии власти.

Дресс-код руководителей стран и аппаратчиков и сейчас мало изменился, возможно, оттого, что форма все еще доминирует над содержанием.

Заключение

Каждая новая историческая эпоха порождает своих лидеров и, что не менее важно, новый образ лидера, являющий собой совокупность комплекса представлений, мнений, ассоциаций, эмоций,

ценностных характеристик о том, каким должен быть «истинный» лидер, руководитель государства. Образ лидера – это, по сути, гештальт-образ или габитус (по Пьеру Бурдьё). Человеческое сознание стремится воспринимать все явления как нечто целостное, завершённое, логичное, и образ правителя не исключение, он должен соответствовать декларируемым идеям и совершаемым поступкам. Вместе с тем образ лидера должен иметь соответствующее наполнение. К примеру, надевший на себя личину просвещённого правителя должен соответствовать этому образу в делах и поступках. Таким образом, лидер формирует образ, но и образ формирует лидера.

После февральской революции и за семь десятков лет советской власти сменилось несколько образов лидера страны. Менялась не только политическая конъюнктура, менялись стиль одежды и манера поведения, которые соответствовали своей эпохе. Смена стилей руководителей страны иногда случается быстро, даже стремительно, иногда же трансформация происходит постепенно и незаметно. В России в 1917–1918 гг. произошла резкая смена образа правителя – от аристократического, помпезного к суровому аскетичному образу нестяжателя, борца за дело народное, беззаветно преданного своему делу и не щадящего ни себя, ни других ради достижения великой цели. Главной чертой образа нового правителя должны были быть близость к народу, его нуждам и чаяниям, решительность и целеустремленность в деле достижения поставленных задач. Образ полевого командира, делящего с солдатами офицерскую пайку, все тяготы и нужды окопного быта и почти наравне с рядовыми бойцами рискующего своей жизнью, лег в основу гештальт-образа советского правителя вплоть до окончания Второй мировой войны. После Великой Отечественной образ власти начал меняться, сакрализироваться, вернув себе дореволюционную имперскую помпезность и монументальность (что, кстати, отразилось также на архитектуре, живописи и музыке того времени). Эти тенденции продолжались вплоть до XX съезда КПСС.

Десятилетний период правления Хрущева ознаменовался важными переменами, центральными из которых можно назвать десталинизацию страны, поворот к нуждам простых людей и десакрализацию власти. Это отразилось на облике лидеров страны и простых граждан. Стерлась разница между образом рядового советского человека и носителя власти. Во всяком случае, эта разница была едва различима.

После «восстания клерков» и свержения Хрущева окончательно восторжествовал традиционный дресс-код бюрократа, который

остаётся практически неизменным и в наши дни. Лишь управленцы-технократы сегодня не вписываются в эту схему, выработав свой образ креативного интеллектуального управленца, для которого конечная цель важнее, нежели бюрократическая форма и устоявшиеся процедуры.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Восленский 1991 – *Восленский М. С.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: «Советская Россия» совместно с МП «Октябрь», 1991. 624 с.
- Галковский 1997 – *Галковский Д. Е.* Бесконечный тупик. М.: Самиздат, 1997. 490 с.
- Иванов 1990 – *Иванов С. П.* Штаб армейский, штаб фронтовой. М.: Воениздат, 1990.
- Ильф и Петров 1991 – *Ильф И. и Петров Е.* Двенадцать стульев; Золотой теленок. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1991.
- Кедров 1953 – *Кедров М. С.* Из красной тетради об Ильиче. М.: Госполитиздат, 1953. 39 с.
- Майсуриян 2006 – *Майсуриян А.* Другой Ленин. Вагриус, 2006. 465 с.
- Майсуриян 2018 – *Майсуриян А.* Письма об эволюции (29). Суворов против Пугачёва // ЖЖ 2018. URL: <https://maysuryan.livejournal.com/743325.html>
- Мальков 1967 – *Мальков П. Д.* Записки коменданта Кремля. М.: Молодая гвардия, 1967.
- Мирович 2019 – *Мирович М.* Одно фото, рассказывающее всё про СССР // ЖЖ 2019. URL: <https://maxim-nm.livejournal.com/493610.html>.
- Ромм 2003 – *Ромм М. И.* Как в кино. Устные рассказы. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2003.
- Солоневич 1998 – *Солоневич И. Л.* Народная монархия. Минск: Лучи Софии, 1998 504 с.
- Хорошилова 2017 – *Хорошилова О.* Ожила Красная сцена. Как художник Юрий Анненков стал «модельером» революции. 2017. URL: https://teatralium.com/articles/ozhila_krasnaya_stsena/
- Чуковский 1990 – *Чуковский К. И.* Сказки от двух до пяти. Живой как жизнь. Сочинения в двух томах. Том I. М.: Правда, 1990.

Материал поступил в редакцию 05.03.2020

Материал поступил в редакцию после рецензирования 15.07.2020